

Вячеслав
ДЕНИСОВ

ТАМОЖНЯ

даєт добро

ЖИЗНЬ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Вячеслав Денисов

Дежурные сутки

«ЭКСМО»

2001

Денисов В. Ю.

Дежурные сутки / В. Ю. Денисов — «Эксмо», 2001

© Денисов В. Ю., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вячеслав Денисов

Дежурные сутки

Глава 1

Кравцов осчастливил райотдел своим своевременным прибытием в крайне отвратительном расположении духа. Материалов по территории скопилось великое множество, на сегодня еще три дня назад были вызваны люди, а вчера, в семь вечера, Лоскутов сообщил Кравцову, что тот заступает дежурным опером на сутки. Причиной тому был факт острого хронического колита у Стеблова.

Чтобы было понятно, Лоскутов – начальник уголовного розыска райотдела. Стеблов – опер. Он-то и должен был заступать сегодня на дежурство. Но, как правило, именно в эти периоды у Стеблова начинались обострения. Поэтому перст начальника, изобразив в воздухе параболу перед сидящими на совещании оперативниками, остановился на Кравцове.

Кравцов упираться не стал по нескольким причинам. Во-первых, он всегда стойко переносил все тяготы и лишения милицейской службы. Надо, значит, надо. Во-вторых, он работал опером в отделе уже восемь лет, три последних года из которых – старшим опером. Лоскутов пришел работать в милицию немного попозже – полтора года назад. Через полгода стал замом начальника УР, еще через полгода – начальником. Такую стремительную карьеру, очевидно, можно объяснить генами двадцатилетнего Лоскутова. Все в его роду были милиционерами и организаторами, поэтому младенец Вадик Лоскутов навыки оперативной и организационной работы впитывал с молоком матери. Его дедушка был секретарем обкома партии, а папа до сих пор работал начальником Областного ГУВД. Так что, скорее всего, это наследственность. Гены... Но весь юмор заключался в том, что, придя в райотдел, он был направлен стажером на воспитание к Кравцову как к самому опытному сыщику во всем управлении. Матерый волчара Марк Кравцов в первый же день совместной деятельности по пресечению правонарушений на закреплённой территории понял, что наследственность Лоскутова не имеет ничего общего с проведением оперативно-розыскных мероприятий. Вадик был туп, как обух топора, потерянного в лесу пьяным дровосеком. Когда нужно было аккуратно вывести у бабушки на лавочке про соседей, живущих напротив, Вадик представлялся милиционером, когда они «пасли» подозреваемого, то Вадик, следуя рядом с ним в автобусе, показывал контролеру служебное удостоверение, после чего можно было спокойно выходить на следующей остановке и, несолоно хлебавши, идти в отдел.

А чего стоил этот исторический поквартирный обход жильцов дома, рядом с которым обнаружили части расчлененного человеческого тела? Нужно было сделать-то всего ничего. Обойти все квартиры и, не вызывая беспокойства у жителей, вывести, все ли дома, не пропал ли кто в ближайшее время. И совсем никто не заставлял милиционера Лоскутова сообщать о подробностях. Но, несмотря ни на что, принцип обязательного информирования он ставил во главу угла. В первую же посещенную Вадиком квартиру пришлось в срочном порядке вызывать карету «Скорой помощи». Себя очень плохо почувствовала без кислородной подушки хозяйка. Причиной тому стал вопрос будущего начальника уголовного розыска – «У вас все дома? А то мы тут нашли рядом с домом отрубленную голову и кисти рук». У хозяйки еще не пришел с работы муж... Вырубив таким образом полдома, Вадик доложил куратору Кравцову, что у него есть версии по четырнадцати квартирам. После этого Кравцов плюнул, привел Лоскутова в отдел, посадил за стол и бухнул перед ним метровую по высоте стопку оперативно-поисковых дел десятилетней давности.

– Сиди и заполняй дела. Все образцы непосредственно в самих делах. Пиши, мол, по данному факту отработаны те-то и те-то, в ходе проведенных мероприятий положительных результатов не достигнуто... Типа отработка фигурантов по данному преступлению продолжается. Фамилии жуликов бери любые из моего журнала на столе. Только не нужно, скажем, по грабежу стиральной машины «отрабатывать» питерских положенцев.

– Но это же подлог... – возмутился Вадик.

– Это ты здесь – подлог. Сиди и учись с бумагами работать...

И Вадик добросовестно исписал за два месяца три стержня шариковой авторучки, выводя на стандартных листах:

«Работая по факту разбойного нападения 18.09.93 г. на квартиру 7 дома 19 по ул. Мичурина, в ходе которого неустановленные преступники завладели утюгом и продуктами питания, мною был отработан на причастность к данному преступлению...» Далее шли установочные данные «отработанного», который об этом – ни ухом ни рылом, и в конце сообщалось, что отработан был зря. Ну и, конечно, что работа в данном направлении продолжает кипеть.

После завершения Вадиком этой титанической работы, раздобревший Кравцов взял с собой Лоскутова на задержание воришки. В адресе, кроме воришки, находился еще и осведомитель Кравцова, который по легенде должен был там оказаться совершенно случайно. Когда зашли в квартиру, Вадик, обладающий незаурядной памятью, тут же ткнул пальцем в осведомителя и воскликнул:

– Во! Марк Иваныч! Этот козел ведь только два часа назад с тобой в кабинете разговаривал!

В результате этого «своевременного» воспоминания Лоскутова осведомителя пришлось до самого суда воришки четыре месяца прятать на «кукушке» в соседнем районе, а потом отправлять на ПМЖ к матери-старухе в Рязань.

Разъяренный потерей агента и тупостью Лоскутова, Кравцов ворвался в кабинет начальника РОВД Емельянова и двадцать минут орал, что если он, Кравцов, Емельянову чем-то не подходит, то не нужно ему делать такие гнусные «подставы» с подобными стажерами, а просто попросить, и он, Кравцов, сам уйдет в другой РОВД. Емельянов сначала ничего не понимал, а когда понял, немного побряхтел, повертел в руках очки и успокоил опера тем, что попросил подождать еще месяц. После этого Лоскутов уйдет на самостоятельную работу. Ну и объяснил, чей он сын. На Кравцова это не возымело должного действия.

– Да мне по хер, чей он сын! Хоть президента Ботсваны! Этот тукан работу всего отдела за неделю развалит!

В душе Емельянов был полностью согласен с Кравцовым, но до пенсии ему оставалось пять месяцев, и он хотел этот срок «добить», не выходя на ковер к Лоскутову-старшему. Подполковник, как мог, успокоил капитана и выпроводил восояси.

Кравцов зашел в кабинет, достал шестнадцать листов формата А4 и положил их перед Лоскутовым-младшим.

– Вадик, у нас нет в кабинете карты обслуживаемой территории. Берешь листы, склеиваешь и в масштабе один к тысяче вычерчиваешь план местности. Каждый дом, каждый куст, каждая урна должны быть отражены! Я понимаю, что задание ответственное, но не все же тебе пустяками заниматься...

На это ушла неделя. Еще день Кравцов выиграл, когда Лоскутов выполнял задание по вычерчиванию на своем детище «маршрута наиболее удачливого движения сотрудника уголовного розыска по обслуживаемой им территории». Автором задания был, разумеется, Марк.

Наконец старший опер дождался того момента, когда Лоскутов «вышел на самостоятельную работу». Поскольку Вадик так и остался в кабинете Кравцова, то последний понял, что его положение только усугубилось. Новоиспеченный оперативник сразу принял новую должность и при этом даже как-то «распушился». Он стал давать Кравцову советы, делать замечания по

поводу курения в кабинете и беспорядка на столе старшего опера. Сам же в течение пяти дней каждое утро выдергивал из адреса какого-то деда и «колол» его на предмет кражи кольца с сапфиром у жены. Бабуля заявила кражу, не подозревая, чем это закончится. Даже когда она стала на третий день приходить к Лоскутову и убеждать того в том, что ее дед здесь ни при чем, тот оставался непоколебим и продолжал парить старого в камере. На пятый день, чувствуя, что у него разламывается голова от бреда, который нес Лоскутов, Кравцов сам пошел по тому адресу. Выяснив, что кражу совершила молодая соседка, приходившая к «дедам» позвонить маме в Саратов, Марк привел саратовскую молодуху к Лоскутову и вместе с кольцом сдал ее начинающему оперативнику. Раскрытие он подарил Вадику, и это было первое и последнее преступление, зарегистрированное на имя Лоскутова в должности оперуполномоченного уголовного розыска.

Потом Марк пошел к Емельянову и попросил пересадить соседа в другой кабинет. Тот не пересадил. Но через три месяца все произошло само собой. Перспективного сына начальника областного ГУВД поместили в кресло заместителя начальника уголовного розыска. Ума и опыта от этих манипуляций Лоскутов не приобрел, зато уверился в правоте каждого своего действия и выработал в себе, как он называл это, «организаторские способности и принципиальность». Коллеги по работе это же самое именовали «мудачеством». Лоскутов Вадим стал, пользуясь своей феноменальной памятью, припоминать Кравцову и оперативно-поисковые дела, и «наиболее удачливые маршруты» на карте, да и саму карту. Ситуация еще больше стала напоминать откровенную месть, когда молодой зам, пользуясь благодушием нового начальника отдела, пересел в отдельный кабинет начальника УР. Дело было в том, что отношение к Лоскутову было одинаково хорошим что у старого начальника, что у нового, только по разным причинам. Если первому пора было мягко уйти на пенсию, то второму до пенсии было *очень далеко*.

Отныне все «дыры» в суточных дежурствах «затыкались» старшим опером Кравцовым. Если кого и хвалили на совещаниях, то только не его, хотя треть всех раскрытий в отдел приносил именно он. Если кому-то выписывалась под праздник премия, то, соответственно, не ему. Сам же Лоскутов за хорошую работу был премирован поездкой в Анталию и ничуть от этого не переживал. Привычка приписывать чужие раскрытия своей известной во всей области фамилии приняла состояние константы.

А Кравцов считал зазорным для себя «бодаться» с Лоскутовым и пытаться в чем-то его переубедить. Ах, мы сегодня, оказывается, дежурный опер? Ну что же, отдежурим. Он, как никто, лучше знал способности начальника УР, поэтому ко всему относился не без известной доли иронии. Именно поэтому, когда перст Лоскутова остановился на нем, у него, как принято выражаться в вестернах, «не дрогнул ни единый мускул на мужественном лице». Надо, значит, надо. В четвертый раз за последний месяц, правда, но если надо! Если больше некому из восьми оперов, сидящих рядом.

– Вадим Андреевич... – неожиданно обратился к начальнику, который не любил, чтобы его перебивали, Генка Дробыш, из кабинета напротив. – А что это Кравцов у нас зачастил? У меня вот, к примеру, никаких дел особых нет. Как это ни покажется странным... Ну нет, и все. Творческий застой. Я бы мог отдежурить.

– Дробыш, действительно странно, что у вас нет никаких дел. Настоящему сыскарю обычно времени не хватает, а у вас дел нет. И зачем вы меня перебиваете? Я на этот счет распоряжений не давал.

Гена пришел в райотдел вместе с Кравцовым, и уже восемь лет они по-хорошему дружили. Он работал опером по линии малолеток и отличался неформальным подходом к делу. При желании мог любую трагедию превратить в фарс и наоборот. Малолетние наркоманы старались держаться от него подальше, так как, если они ему попадались с необоснованно находящейся у них крупной суммой денег, понятно для чего предназначавшейся, он не изводил им и

себе душу нудными расспросами– «где собрались брать?», «с кем собрались колотиться и в чьей хате?». Он просто брал их за шиворот и вел в ближайший коммерческий киоск или магазин. Там он на все наркоманские деньги, а это от двухсот рублей и больше, покупал карамель «чупа-чупс» и торжественно вручал оставшимся без дозы малолетним пакостникам. На их крики: «Мама на хлеб и сметану дала» – он веско предлагал передать маме, чтобы та пришла завтра к нему в кабинет, где он отдаст ей потраченные на сладкое деньги. За восемь лет не пришла еще ни одна.

Еще он любил приводить из подвалов маленьких преступников в кабинет, где рассаживал их по стульям и вручал одному из них истрепавшуюся за годы книжку. Когда через четыре часа коллективного слушания «Мастера и Маргариты» не привыкшие к таким пыткам мозги шести– и семиклассников начинали закипать, а их обладатели буквально дурели на глазах, оперативник Дробыш прекращал булгаковские чтения и начинал их ласково расспрашивать. Однажды после жалобы в прокуратуру мамы одного из малолеток по поводу издевательств, чинимых милиционером Дробышом над детьми, в кабинет к Дробышу для отбора объяснения прибыл сам помощник прокурора по надзору за милицией. Зайдя в кабинет к оперу, он обалдел. В кабинете Геннадия сидело около двенадцати подростков из неблагополучных семей и один из них, стоя лицом к «группе», пересказывал процесс кончины Берлиоза. От Дробыша отвязались и уже не трогали. Некоторые полагали, что у него были «не все дома». Однако «дома» у Гены как раз были все, о чем говорила сухая официальная статистика. Подсчет карточек на раскрытые преступления постоянно выводил его на второе место после Кравцова.

– Я просто не понимаю, как опер может так говорить?

– О чем, Вадим Андреевич?

– Вместо того чтобы заниматься делами, пытаться от них уходить на суточное дежурство.

– Так ведь не корысти ради, а пользы для.

– Я, конечно, понимаю, что на дежурстве – лафа. Катайся себе в «уазике» да катайся. А вот чтоб ножками по территории да головой еще поработать...

– А вы сами-то, гражданин начальник, – не выдержал самый старый из оперов– Максимыч, – дежурили хоть раз? Что-то я не припомню. Старый стал, память хиреет...

– Представьте себе, – вспыхнул Лоскутов, лицо которого и бордовая рубашка Максимыча стали одного цвета, – дежурил!

– А, ну да, – согласился Максимыч. – Я вспомнил. В прошлом году. В группе следователя Ширёва. Вспомнил, извините. Погорячился.

Опера, давая улыбку, опустили головы. Максимыч действительно погорячился, сетуя на свою память. Это был сыщик, запоминающий цвет, вкус, запах, голос, лица, адреса и фамилии на всю жизнь, всего один раз уловив их одним из органов чувств. Он, подумав минуту, мог легко сказать, что делал в этот день и в этот час год назад. А в тот эпохальный для Лоскутова вечер он подменил оперативного дежурного. У того рожала жена, а он клятвенно обещал супруге присутствовать при родах. Так они порешили... А он пообещал и заступил на сутки. Так всегда получается. В итоге его все равно не пустили к роженице, а ветеран МВД Максимыч взвалил на себя бремя оперативного дежурного по РОВД. Оперативная группа в те сутки баловала глаз подбором участников. Максимыч, когда узнал, с кем ему придется нести службу до утра, постарел еще лет на десять. Дежурным опером был Вадик Лоскутов, следователем – Дима Ширёв, участковым – Саша Лукьянчик.

Если Лоскутов просто не знал, что нужно делать и в какой последовательности, то Ширёв, вдобавок к этому, еще и писал с ошибками. Кроме того, он имел достаточно отдаленное от идеала понимание того, как заполняются официальные документы. Он мог запросто постановление на обыск назвать «ордером», объявить подозреваемому, что он его арестовал, хотя в ста случаях из ста эту миссию выполняет прокурор, и многое другое. А его выражения в протоко-

лах допросов, наподобие «забежал за гаражи поссать» или «изнасилил ее в извращенческой позе» приводили в восторг все того же прокурора и кураторов из городского УВД.

А Саша Лукьянчик прославился тем, что однажды в кабинет к еще не ушедшему на заслуженный отдых Емельянову пришла до безобразия испитая бомжиха и принесла милицейскую фуражку.

– Вот, возьмите, у нас в гостях вчера ваш милиционер был. Хорошенький такой. Фуражку забыл.

На тулье было аккуратно выведено – «Лукьянчик». Обычно человек в форме никогда не забудет головной убор, выходя на улицу. Если он, конечно, в нормальном состоянии. Сделала доброе дело, падла... Любил он «поддать», любил, чего уж там...

Около часа ночи сей коллектив под предводительством Ширёва прибыл в один из домов по улице Бурбулиса на квартирный разбой. Заявка поступила Максимычу от соседей. Вот тут-то все и началось.

Проблема первая. Потерпевшие – вьетнамцы, не представляющие, как звучит местоимение «я» по-русски.

Проблема вторая. Их пятнадцать человек в двухкомнатной квартире.

Проблема третья, она же последняя. Они все, не замолкая ни на секунду, как чайки над косяком рыбы, кричат, и, что совершенно очевидно, каждый о своем.

Попытки успокоить их и призвать к порядку привели к тому, что они взяли на тон повыше и закричали еще быстрее. Лоскутов и Ширёв боролись со стихией еще минут пять, пока наблюдавшему за всем этим водителю Леше это не надоело и он, оттолкнув Ширёва, вышел на середину комнаты. Достав табельный «макаров», он передернул затвор и недвусмысленно посмотрел на орущих вьетнамских братьев. Те хором издали последний визг, обозначающий дикий ужас, и упали на пол к батарее. Наступила тишина.

– Раньше я осуждал американцев, а сейчас понимаю, – произнес Леша и отправился спать в машину.

Допрос на ломаном английском Лоскутова и полностью сломанном немецком Ширёва продолжался уже час. Там, где не доставало для объяснения слов, шли в ход жесты. Так, наверное, выглядел разговор капитана Кука с туземцами Тасмании после его вопроса. «Где взять воды?»

В итоге родился протокол о разбое в квартире вьетнамского гражданина Хо Лю Люка. В результате разбоя якобы были похищены телевизор и музыкальный центр. Логично рассудив, допрос потерпевших отложили до утра, когда прибудет вызванный штатный переводчик. Ничего не подозревающий Максимыч добросовестно зарегистрировал преступление в книге учета преступлений, а «группа Ширёва» произвела поквартирный обход дома в два часа ночи.

Прибывший утром переводчик, перекинувшись с азиатами о чем-то своем, всем объяснил, что сегодня ночью вьетнамские товарищи праздновали день рождения своего коллеги по торговле. Конечно, маленько шумели. Потом приехали милиционеры и испортили весь праздник. Двое все время говорили на непонятном языке и что-то записывали, а третий достал пистолет и хотел стрелять. Они честные мирные люди и боятся насилия. Попросили больше не приезжать и не пугать их.

Максимыч на старости лет получил от начальства пистон за лоховской поступок – регистрацию непроверенного сообщения о совершенном преступлении.

Он и так ничего не забывал, а помнить это сам бог велел.

– Не нужно здесь устраивать цирк, товарищи офицеры. А здесь, между прочим, все – офицеры. – Напоминание Максимыча о том самом неудачном дежурстве окончательно испортило настроение Лоскутову. – Одному, понимаете, заняться нечем, на дежурство просится. Другой – на память жалуется. Не туда едем...

– Эт точно, – подтвердил Максимыч.

Кравцов, желая прекратить этот ненужный разговор, тогда отрезал:

– Ну, хватит! Меня люди под дверью ждут. Я понял. Завтра дежурным опером. Я могу идти?..

Глава 2

08:43

Выслушав на селекторном совещании про все неприятности, случившиеся с отдельными гражданами, проживающими в городе, и получив наставление работать «качественнее и эффективнее», поняв, что в государстве все еще не заканчивается операция «Вихрь-антитеррор», Кравцов вышел из кабинета начальника и направился в «дежурку». Заряжая пистолет, поинтересовался у дежурного, майора Буркова:

– Вить, кто сегодня со мной?

– Следователь – Ширшов. Участковый – Гурт.

Сегодня был первый день работы Буркова. Только вчера он вернулся с женой из Сочи. Резкая смена обстановки – от счастливого безделья к столу оперативного дежурного – не могла не повлиять на его состояние. Отпуск закончился быстрее, чем хотелось, да еще вчера он выяснял отношения с женой по поводу недожаренных котлет. У той, видно, тоже после месяца расслабления притупились кое-какие навыки. В дополнение к этому ее направляли в командировку. А Бурков страшно не любил, когда жена оставляла его одного. Детей у них не было, и отъезд жены означал одиночество, скуку и самостоятельное приготовление обедов и ужинов.

Сейчас он рассовывал дежурные журналы по ящикам стола, и явственно чувствовалась схожесть его настроения с настроением Кравцова. А у того оно было ни к черту. Марк сейчас с удовольствием поспал бы на городском пляже, не думая о жуликах и местах их обитания. Хорошо еще, что смена подобралась толковая, ребята что надо.

– Что, Марк, «Вихрь» продолжается?

– Ага. Ты, кстати, заметил странную тенденцию? О том, что «Вихрь» начинается, объявляют официально и во всеуслышание. А о том, что он закончился, мы узнаем друг от друга через день-другой. Таким образом, происходит наинелепейшая вещь – «Вихрь» никогда не заканчивается. Он всегда только начинается.

– Мне в этом отношении нравятся «федералы». Они честно в эфире признаются, что знают обо всех передвижениях и местонахождениях Басаева и Хаттаба. Им, наверное, нравится, что у нас «Вихрь» и продолжается, и продолжается... Что нового в отделе?..

Дверь в «дежурку» распахнулась, и ввалились Гурт и Ширшов.

– А-а! Смотри, Гурт, Кравцов уже ствол получил! А где «дежурная» папка дежурного опера? Все бы воевал... Нет чтобы ножками, да по территории, да головой подумать...

– Подслушивал? – Кравцов, не глядя на Гурта, засовывал в «оперативку» табельный «ПМ».

– А как же. Я такое пропустить не в силах. Процесс поучения «крутыми» яйцами курицы я пропустить просто не имею права! Кравцов, скажи, почему тебя Лоскутов так не любит?

– Почему не любит? Он меня очень любит.

– По-настоящему? – допытывался надоедливый Ширшов. – Как у взрослых?

Марк вздохнул и устало посмотрел на следователя.

– Ширшов, твоему фэйсу мелькать передо мной еще двадцать четыре часа, а ты мне уже до смерти надоел. Сразу говорю – помогать делать осмотры не буду. Твоя работа. А мы станем своей черной и неблагодарной оперативной работой заниматься.

– Ну, и будем на каждой заявке по три часа висеть...

– А у нас больше восьми заявлений за сутки и не выходит. Тик в тик.

– А отдыхать?!

- Отдыхать дома будешь.
- А ужинать?!
- Жрать сюда приехал?
- Ты мне определенно перестал нравиться, Кравцов. Такое впечатление, что тебе седло на спину положили.
- Все, мальчики по вызову, хватить «тереть». – Бурков оторвал телефонную трубку от уха и положил ее на аппарат. – Заявочка прилетела. Труп на улице Василевского.
- Пошла массовка!.. – обозначил ситуацию Гурт, и опергруппа в полном составе направилась к выходу...

09:21

- Не люблю трупы, – вздохнул Ширшов. Кравцов, выезжая на подобные заявки с этим следователем, постоянно слышал эту фразу. – Душа не приемлет. Марк, а Бурков не сказал, что за труп? Суицид или просто «мотор» остановился у бродяги?
- Нет. Сказал лишь, что около водонапорной колонки лежит, недалеко от киоска.
- Только бы не «криминальный». Про «ножевые» Бурков ничего не пояснял?..
- Да отвяжись ты от меня! Что ты привязался, как репей?! Ты что, рядом не стоял, когда Бурков говорил?! Труп, он сказал, лежит рядом с колонкой! Все!!!
- Нет, Кравцов, – вздохнул Ширшов, – тебе отдохнуть надо. Устал ты, устал... Работа, работа, одна работа. Семьи не видишь...
- Ширшовы еще, как банные листы к заднице, прилипают, – добавил Гурт.
- «Уазик», медленно переваливаясь, преодолевал естественные преграды частного сектора. А препятствий было хоть отбавляй. Кучи золы, мусора и разбросанных по дороге досок.
- Твоя территория, Гурт, – заметил Кравцов. – Ты на туземцев когда в последний раз административные протоколы выписывал?
- Я, Марк, каждый день выписываю, только народ здесь проживает с неблагополучных гинекологических древ.
- Ге-не-а-ло-ги-чес-ких, – поправил Кравцов. – А что так?
- Здесь испокон веков живут те, кто сидел, сидит или скоро сядет.
- Тем более. Все карты в руки. Пару-тройку раз свози особо отличившихся в озеленении родной улицы в суд, да пусть там их осудят суток на пять-десять. Сразу зола станет сыпаться из ведер туда, куда положено, а не на середину проезжей части.
- Мужики, – обратился к мирно беседующим Леха-водитель, – вон она, эта колонка. Только что-то я трупа возле нее в упор не вижу...
- Трупа действительно не было. Колонка – была. А трупа не было.
- Коллеги выбрались из машины и в недоумении принялись изучать местность. Кравцов пошел к киоску, Гурт – к дому около колонки, а Ширшов – к соседнему дому. Все делали четко и быстро, словно заранее договорились.
- Привет, Маринка, – обратился Кравцов к рыжеволосой молоденькой продавщице. Оконце было маленькое и расположено очень низко, так что Марку пришлось согнуться почти в половину своего роста. – Как торги?
- Какие, Марк, тут могут быть торги? Издеваешься?
- Почему издеваюсь? Отнюдь. Я образцовый покупатель. – Опер протянул в оконце купюру. – Желаю приобрести в личное пользование пачку «Элементс»...
- Будешь первым за сегодня. Заходи, Кравцов, чего ты там в позе пьющего оленя стоишь...
- Прикрыв за собой дверь и закулив, Марк спросил:

– «Бодяжкой»-то приторговываешь, а, Мариш? Дух у тебя здесь какой-то сивушный. Не иначе вон под тем прилавком бутылки с самогоном стоят. Я еду сюда, смотрю, у Евдокимовны утром из трубы дым валит столбом... На торнадо похож. Думаю, два варианта – либо старая замерзла в девять утра двадцать первого июля, либо опять Маришке самогон гонит для продажи. И сдастся мне, второе вернее будет...

– Нюх у тебя, Кравцов, собачий какой-то на всякие гадости. Чтобы хорошее увидеть – тут ты слепой на оба фонаря, а пакость через стены видишь!

– Это чего же я такого хорошего не замечаю?.. – опешил Марк.

– Да вот я, дура, все жду, может, приласишь куда-нибудь. Только ты этого и не видишь, и не чувствуешь. А вот евдокимовский торнадо и бутылки с самогоном увидел моментально. Да, Кравцов, продаю из-под прилавка. Знаю, что запрещено. Осознаю. Опять разбивать о киоск будешь? Там десять бутылок, смотри, не провоняй, а то жена нагоняй устроит!

– Успокойся. Где у тебя пепельница?.. Я вот что спросить хотел. Ты ничего подозрительного около киоска не видела?

– Когда?

– Да вот буквально с полчаса назад.

– Балбес какой-то подходил, магнитофон за сотку предлагал. Я отказалась.

– А около во-о-о-н той колоночки?

– А! Я еще сходила за водой, пол помыть, воду набирала – никого не было. А когда пол в киоске помыла и воду выливала, смотрю – мужик какой-то лежит.

– Кровь была?

– Кровь?.. Нет, крови не было. Я ее боюсь, и если бы была, я бы испугалась. А я не испугалась, значит, крови не было.

– С памятью хреново, зато с логикой полный порядок, – то ли похвалил, то ли поругал Кравцов. – А потом что было?

– Потом подъехала иномарка, кажется, «японец»... Да, точно! – воскликнула продавщица. – У моего брата точно такая! А я все думаю – на чью машину она похожа?..

– Ближе к телу.

– Я всегда для тебя готова, Кравцов...

– Не соблазняй меня, Максейкина, бесполезно. Я «голубой».

– Ага. Я вижу. Двоих спиногрызов «застрогали» с женой как за здорово живешь! «Голубой» он...

– Так что дальше было?

– А дальше вышли из «Висты» двое добрых молодцев, взяли под ручки лежащего, засунули в машину да и уехали.

– А как лежащий был одет? – Кравцов после этих слов уже клещом вцепился в ситуацию и не собирался ее отпускать.

– Хорошо был одет. Не чета тебе. Хочешь, на день десантника новые джинсы подарю? Ты ведь десантник у нас?

– Нет, не хочу. Не отвлекайся, Максейкина, говори все сразу, без моих вопросов: во что был одет, как выглядел, сколько лет.

Продавщица вздохнула:

– Фригидный ты какой-то.

– Мужики фригидными не бывают, Максейкина. Короче, ты будешь говорить или нет?!

– Не ори, клиентов распугаешь. Мужик был в дорогом строгом костюме, серой рубашке. На вид лет тридцать пять, коротко стрижен. Вот как ты... Да, чуть не забыла. У него обуви не было.

– Обуви не было?..

– Да, я еще обратила внимание, что на нем черные шелковые носки, а туфель нет.

- Номер машины, конечно, не записала?
- Кравцов, ты что, дурак, что ли? Мне зачем эти проблемы нужны?
- Марк помолчал и потянулся за второй сигаретой. Действительно, зачем *это* ей?
- А из машины, кажется, Вагон выходил... – неожиданно произнесла Марина, и опер резко вскинул голову. – Второго не знаю.
- Вагон? Ты ничего не перепутала?
- Как я могу перепутать, если хозяйка ему платит? Я тебе ничего не говорила.
- Само собой. А давно уехали?
- За пять минут до твоего прихода.
- Понял. Ну ладно, Маришка, пока! Меня уже заждались, наверное.
- Забегай. Может, чего надумаешь...

Кравцов вышел из киоска и засеменил к «УАЗу».

– Ты бы там еще на пару часиков стопорнулся. – Ширшов был недоволен. – Не зря хоть там задыхался?

– Нет, не зря. – И Марк, забыв упомянуть про джинсы и еще некоторые моменты, коротко передал разговор с продавщицей.

Ожила рация, Бурков поинтересовался: «что по трупу?» и «где находитесь?».

Гурт тут же вошел в связь:

- Отъезжаем от колонки.
- А что с трупом?
- Нет трупа.
- В смысле?
- Пока голову искали, ноги встали и ушли.
- Заканчивай эфир засирать. Что с трупом?
- Да нет никакого трупа. «Синяк» какой-нибудь отоспался у водопоя и ушел.

Кравцов забрал трубку у Гурта.

– Витя, приеду – доложу. А трупа действительно нет.

– Понял. Тогда давайте мчитесь на Лазурную, восемь, квартира сорок. Кража...

10:09

Кражи, как и песни, бывают разные. Бывают грустные, бывают веселые. Есть кражи, отработанные до мелочей, как государственный гимн, а еще есть спонтанные, как недоразумение, словно песня чукчи, плывущего на каяке по течению. Кражи, как и песни, разделяются на содержательные и бестолковые. А еще представьте себе песню в исполнении хора имени Александра и тот же материал, изложенный под гитару дембелем на армейской койке.

Кража на улице Лазурной не подходила ни под одну из вышеописанных характеристик.

Расстроенные хозяева квартиры и их дочь-подросток стояли на лестничной площадке последнего, пятого, этажа и вполголоса переговаривались с соседями. Появление опергруппы они встретили с известной долей раздражения и недовольства.

– Наконец-то. А мы думали, что уже не дождемся. Вот пожарные, так те через три минуты приезжают, – в сердцах выговорила хозяйка.

– Их бы и вызывали, – ляпнул страдающий одышкой Ширшов.

– Что случилось? – громко и весело спросил Марк.

– Что случилось? А вы не видите? Замки открыты, в квартире свет. Мы заходить не стали – вдруг следы. Правильно?

– Правильно, – похвалил Кравцов. – Леха, дуй в управление за экспертом. Он уже сидит, ждет... А почему вы решили, что это кража? Открытые двери и свет в квартире – это еще

не есть факт совершенного преступления. Я вот, например, знаю одного товарища, который постоянно забывает закрывать двери, выходя из дома.

– Мы в отличие от вашего товарища лунатизмом не страдаем, – заявил муж хозяйки. А может, и не муж. Кто их поймет, этих «новых русских»? У них вся жизнь – сплошная «Санта-Барбара».

В том, что семья более чем преуспевающая, Кравцов уже не сомневался. Общая стоимость «прикидов» мамы, папы и дочки по подсчетам Марка перевалила за «пятерку» баксов. И это – летом. В просвет приоткрытой двери виднелась прихожая из мореного дуба, стеновые панели, шелкография обоев и подвесные потолки. Кравцов безошибочно определил – «арм-стронг». Безошибочно, потому что они с женой однажды решили потолок в детской отделать точно такими же, подвесными... Когда узнали о цене, передумали.

Марк знал, что вопрос глуп и не совсем уместен, но нужно было как-то убивать время до приезда эксперта. Без него заходить в квартиру нельзя, а только попав внутрь, можно начать делать какие-либо выводы. Он спросил:

– Вам никто не угрожал в последнее время?

Те, кто угрожают, не станут «ставить» квартиру жертвы. Они сожгут машину, похитят эту чудную девочку в трехсотрублевых джинсах, с брюликами в не до конца сформировавшихся ушных раковинах или просто пристрелят в этом же подъезде, как собаку, папу-бизнесмена.

А папа на самом деле очень был похож на пит буля. Очевидно, всех «новых русских» разводят в одном месте, в одних климатических условиях, с добавлением одних и тех же биодобавок. Одного «нового русского» от другого часто могут различить только родинки на животе да шрамы от бейсбольных бит на голове. У половины из них даже биографии схожи: таксист – «пивник» – торгаш – «новый русский». Многие из них становятся депутатами. Их путь к государственной власти тернист и однообразен, как жизнь несчастной инфузории-туфельки. В предвыборной борьбе проявляются их лучшие качества. Детские дома пополняются секонд-хэндом, по квартирам ветеранов войны и труда начинают шастать яйцеголовые отроки и интересоваться: «Старая, в натуре, кран не капает, очко не сломано? Если че, мы махом слесарей подгоним». Это пришли помощники кандидата в депутаты Буромякина. И кран действительно, в натуре, починят. Причем бесплатно. Буромякин все сделает для своих избирателей за свой счет. Старикам везде у нас почет. Ну, и вы, старые, поймите – молодым везде у нас дорога. Не забыли, что в апреле выборы? Мы напомним.

А какой болью захлестнуло сердце Буромякина, когда ему доложили, что в Чечне уже шесть лет идет война и гибнут пацаны!.. Как он стал страдать! За два месяца до выборов... Как стал страдать!.. И тут же граждане города стали обнаруживать в почтовых ящиках двухстраничные газеты с изображением страдающего Буромякина и огромным шрифтом над передовицей «ЧЕЧНЯ– БОЛЬ МОЯ». Потом бывший «пивник» Буромякин, как и остальные буромякины, внезапно почувствовавшие способность управлять не только краном и шлангом, но и государством, излагает довольно зрелую программу, как все взять и перестроить, чтобы у нас не было богатых и бедных, а были лишь одни богатые.

Вот такой папа из «обнесенной» квартиры...

Мама являла собой образец первой леди, отсюда и «тактичное» напоминание про «пожарных». В любой семье мама – имиджмейкер папы. Эта пара, судя по всему, исключением не была. Кравцов пригляделся и сделал следующий вывод – у мамы с женским вкусом все в порядке, а как одевать мужчину, она имела весьма смутное представление. Одеты они были практически одинаково. Имеется в виду стиль и материал. Но если маме все подходило и прослеживался вкус, то на папе это выглядело как седло на корове. Вывод: папа не имеет собственного мнения и подчинен маме, раз позволяет себя одевать в то, что нравится ей. Кравцов, сейчас приедет эксперт, а ты бери-ка папу и беседуй с ним без стервы-мамы. С ним удобнее получится. Человек без собственного мнения – это твой клиент, Кравцов...

А вот дочка Кравцову сразу не понравилась, и он не мог понять почему. Судя по всему, она не нуждалась ни в чем и прекрасно отдавала себе отчет, что эта кража – просто этап их жизни и если что-то украли, то мама с папой это купят снова. Даже лучше, чем было. Однако, несмотря на то что прошло довольно много времени и пора бы успокоиться, тем более что в текущем разговоре не было никаких признаков нервозности, взгляд девочки был испуган, и чем дальше, тем больше на ее лице отображалась тень волнения. «Это нехорошая девочка! – бубнило что-то в районе селезенки у автора «наиболее удачливого маршрута движения...» – Зацепи ее, а дальше – будем посмотреть...»

Папа сказал Марку, что угрозы не поступало и что, если кто-нибудь «наехал», он давно бы эту бодягу развел самостоятельно, со своими пацанами. Кравцов мило улыбнулся папе, убедившись в правоте своих предыдущих умозаключений.

За разговорами о наркоманах, наемных убийцах и бешеных собаках время пролетело незаметно, и стук уличной двери возвестил о прибытии Лехи и эксперта.

10:32

Кражу действительно нельзя было отнести ни к одной категории из известных. После того как эксперт управления Антон Смирнов произвел все необходимые мероприятия по изъятию следов обуви, «пальчиков» и щелкнул несколько раз доисторическим «Зенитом», все вошли в квартиру, и Ширшов предложил папе с мамой напрячь память и назвать то, чего не хватает после их ухода из квартиры.

То ли с памятью их что-то стало, то ли, наоборот, она была исключительной. В квартире не хватало всего одной вещи. Ею являлся персональный ноутбук папы. Злодеи не взяли ни шкатулку с золотом мамы, ни радиотелефон под красное дерево за восемь тысяч, ни видеокамеру «Сони», ни все три шубы общей стоимостью триста тысяч... Дальнейшее перечисление не имеет смысла, ибо если бы воры забрали все, к чему они не стали даже прикасаться, то всей этой преступной группе на следующий день после продажи украденного можно было спокойно убывать на ПМЖ куда-нибудь под Калифорнию. Однако воры довольствовались лишь ноутбуком.

– В компьютере была информация, касающаяся вашей профессиональной деятельности? – задал Марк вопрос, который бы в первую очередь задал любой опер.

– Нет! – усмехнулся, довольный результатами кражи папа. – Я его только вчера купил.

Мама тоже сияла от счастья, еще не веря, что все три шубы висят перед ней на вешалках. Семья была рада жизни. Кравцов перевел взгляд на дочку и убедился, что не вся... Боязнь чего-то не давала покоя ее рукам, и те то погружались в карманы джинсов, то складывались на несформировавшейся груди, то заводились за спину. Кравцов знал, что если руки начинают жить автономно от головы хозяина, значит, не все в порядке не с руками, а с головой.

Пока Ширшов строчил протокол допроса папы и выписывал постановление на возбуждение уголовного дела, Марк обошел двух бабушек-понятых, пробормотав «извините...», и вышел на лестничную площадку, прикрыв за собой дверь. Следом за ним вышел Гурт и, товарищески помогая Кравцову, пошел делать его работу – поквартирный обход. Вдруг окажется так, что кто-то из жильцов видел, как на улицу выходят незнакомые люди, вдруг они запомнили их приметы, вдруг записали номер машины... Этих «вдруг» могло быть очень много, а могло не быть и вовсе. Для выяснения этого и служит такое оперативно-розыскное мероприятие, как опрос граждан.

Кравцов вернулся в квартиру через минуту. Сложив пальцы руки щепоткой, он что-то растирал между ними. Это очень походило на просьбу дать ему денег, когда он остановился перед сидящей на шикарном диване мамой.

– Скажите, ваша дочь пользуется губной помадой?

Мама недоуменно вскинула брови вверх.

– Естественно! В четырнадцать лет она уже должна представлять, как выглядит настоящая женщина.

– А ваша дочь – настоящая женщина?..

– Если вас так это интересует, – мама поджала губы, и Кравцову показалось, что она собирается в него плюнуть, – то я вам отвечу! Маша – воспитанный ребенок. Она учится в колледже, и ее друзья – дети уважаемых в городе людей. Вас это устраивает?

– Вполне. Маша, это ведь ты обнаружила кражу, не так ли?

– Да, – ответила та, и то, с каким вызовом она посмотрела на Кравцова, говорило о ее уверенности в себе. Еще бы! Мама ответила, как надо!

– Девочка, покажи мне все свои помады, – попросил опер.

Та изменилась в лице, и чувствовалось, что достаточно было одного этого вопроса, чтобы ее неразумная детская спесь перешла во вполне обоснованную детскую истерику. Когда она пошла в свою комнату, опер последовал за ней. Привычка.

Просмотрев все помады, Марк, тяжело вздохнув, отобрал одну и вернулся в зал. Мама продолжала сидеть на диване, с недоумением наблюдая за манипуляциями Марка. А тот подбрасывал на ладони маленький перламутровый цилиндр и смотрел куда-то в окно.

Он мог прекратить все прямо сейчас. Не нужны будут ни протоколы допросов, ни постановления, ни осмотр места происшествия. Не нужны, потому что родители этой симпатичной девочки тотчас же откажутся от заявления. Негодяи уйдут от возмездия, а этот подросток, сидящий рядом с мамой, так ничему и не научится. Нет, решил Кравцов, так дело не пойдет...

– Антон! – окликнул он эксперта. – Сделай мазки с глазков квартир соседей, возьми эту сломанную помаду и отправь на идентификацию.

После этого он подошел к телефону под красное дерево и набрал номер дежурки. Бурков, выслушав Кравцова, зарегистрировал преступление по данному адресу как кражу, совершенную неустановленными преступниками.

Теперь отказаться от заявления родители не могли. Теперь уголовное дело можно было только прекратить по ряду обстоятельств. После звонка Кравцова уголовное дело уже *было*.

– Объясните, что происходит? – насмешливо спросила Марка мама. – Судя по вашему задумчивому лицу, можно сказать, что вы скоро скажете, кто отсюда вынес ноутбук мужа.

– Я могу сказать прямо сейчас.

– И кто же этот негодяй?

– Ваша дочь.

Девочка прикусила губу, сдерживаясь из последних сил.

– Вы что там, в ментовке, совсем уже все рехнулись?! – воскликнула мама. – Ей сейчас станет плохо!

– Думаю, что плохо ей стало давно.

Девочка вслух зарыдала.

В комнату из кухни вошли остальные участники события и заполнили все пространство. Кравцов продолжал сидеть:

– Маша, ты должна кому-то деньги? Если хочешь, чтобы я вернул компьютер твоему папе, скажи, где он? Кому ты его отдала? Кто приходил сегодня ночью? Или они пришли сегодня утром?

Папа напоминал человека, которому в рот сначала вставили стакан, а потом – вынули. Но закрыть рот не позволили. Мама была в шоке. Никто ничего не понимал. Маша продолжала реветь.

– Маша, экспертиза покажет, что глазки на дверях соседей по этажу замазаны твоей губной помадой. Сама ты додуматься до этого не могла. Знать, что помада делает стекло непро-

зрачным, оставаясь невидимой сама, знают только воры, имеющие достаточный опыт. Кто у тебя сегодня был? Где ноутбук?

– На первом этаже... – Девочка высморкалась в платок. – Там живет Уса Мирзоев. Мой одноклассник. Он сказал, что, если я не заплачу ему двадцать тысяч, он все расскажет родителям...

– Что расскажет, дочка, что?! – заголосила родительница, начинающая приходить в себя. Кравцов «въехал» в ситуацию и присел на корточки перед подростком.

– Ну-ка, Машенька, закатай рукава у кофточки...

Та вцепилась в манжеты мертвой хваткой и стала кричать, как безумная:

– Не подходите ко мне!!! Не подходите!

Марк приобнял девочку и посадил на диван. Мама побежала на кухню за водой. Папа помог оперу закатать рукава кофты. На локтевом сгибе яркими точками горели три прокола от медицинских игл. Убедившись, что он прав, Марк поднялся.

– Ваша дочь на «игле», дорогие родители. Я вас поздравляю. Следующим, что должно было пропасть после ноутбука, были бы шубы или видеокамера. Через пару месяцев вы имели бы практически неизлечимо больную дочь и убытков на многие-многие тысячи. В какой квартире живет Мирзоев, Маша?

Мама пришла в себя окончательно и теперь уже трезво оценила ситуацию.

– Мы отказываемся от заявления!

– Поздно. Оно зарегистрировано. Ждем вас завтра в отделе для производства допросов. Всех троих... Закончили? – Вопрос был к Шишову и Смирнову.

Повернувшись назад, уже около самого выхода, Кравцов бросил:

– Может, теперь вы перестанете видеть в ней манекен, на который можно примерять тряпье, а увидите в ней просто человека? В ваш дом пришла беда, помочь в которой милиция не в силах...

Через четверть часа опергруппа возвращалась в райотдел. В «собачнике» дежурной машины болтался из стороны в сторону неудачно пытавшийся бежать от Гурта через балкон малолетний вымогатель Мирзоев, а Шишов бережно держал на коленях изъятое вещественное доказательство – черный ноутбук. Будущий «клиент» Генки Дробыша клятвенно уверял Кравцова в том, что эта «потаскушка Машка» дала ему компьютер поиграть на время.

– Слушай, Шишов, – обратился к следователю Кравцов, – ты в четырнадцать лет знал значение слова «потаскушка»?

– Нет, – признался тот. – Тогда мы их называли «шалашовками».

Кравцов обреченно вздохнул и отвернулся к окну, щурясь от яркого солнечного света...

11:59

Допрошенный и чистосердечно раскаявшийся Мирзоев был передан в руки Геннадия Дробыша, у которого до этого момента и «дел-то особых не было». Чтобы к этому больше не возвращаться, нужно сразу отметить, что к тому моменту, когда башенные часы на центральной площади города монотонно отбивали четырнадцать часов, Уса, сидя перед прихлебывающим остывший кофе Дробышем, дописывал шестую явку с повинной. В ней, как и в предыдущих пяти, сын «новых кавказцев» «кололся» на квартирные кражи, которые уже три месяца висели «темняками» в райотделе...

Сдав микроподонка Дробышу, Кравцов зашел в свой кабинет и сразу набрал номер телефона Информационного центра УВД. Как обычно, в это время дозвониться в этот коллектив знаек было очень трудно, но на седьмом по счету наборе Марку повезло.

– ИЦ.

– Здравствуйте, девушка, – запел Кравцов, – вы сегодня прекрасно выглядите!

Услышав довольный смех, опер понял, что связь налажена.

– Уголовный розыск. Кравцов. – Следом Марк назвал пароль и попросил справочку на Ваганова Сергея Сергеевича, ориентировочно – семьдесят второго года рождения.

Скоро опер знал о Ваганове, по кличке «Вагон», все то, что можно узнать о его жизни по линии криминальной милиции. Судим за вымогательство, «чалился» шесть лет от звонка до звонка, не попадая под амнистию из-за тяжести содеянного. Год назад освобовился, но за этот срок успел дважды побывать в райотделах города по подозрению в совершении преступления и трижды быть наказанным в административном порядке за нарушение правил дорожного движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.